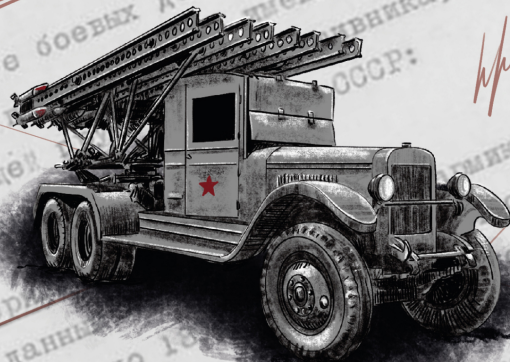

«ВОЛКОДАВ» ИЗ БУДУЩЕГО

ПОПАДАНЕЦ В ШТРАФБАТ

ЮРИЙ КОРЧЕВСКИЙ

Юрий Григорьевич Корчевский

«Волкодав» из будущего

Серия «Я из СМЕРШа», книга 2

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=7332422

«Волкодав» из будущего / Юрий Корчевский: Яуза : Эксмо; Москва; 2014

ISBN 978-5-222-39152-5

Аннотация

Наш человек на Великой Отечественной войне. Пройдя все круги фронтового ада, «попаданец» из будущего становится «особистом», «волкодавом», «чистильщиком» Главного Управления Контрразведки «Смерть шпионам!».

Удастся ли ему ликвидировать немецких диверсантов, охотившихся за командармом Рокоссовским, и взять в плен начальника штаба разведбатальона «Нахтигаль»? Вернется ли он живым из немецкого тыла, выполнив сверхсекретную миссию, от которой зависит исход войны? Сможет ли остаться человеком, будучи сотрудником беспощадного СМЕРШа?

Книга также выходила под названием «СМЕРШ времени. «Чистильщик» из будущего».

Содержание

Глава 1	5
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Юрий Корчевский

«Волкодав» из будущего

© Корчевский Ю.Г., 2014

© ООО «Издательство «Яуза», 2014

© ООО «Издательство «Эксмо», 2014

* * *

Глава 1

И вот позади напряженные будни в Учебном центре подготовки специальных разведывательно-диверсионных отрядов для действий в тылу противника.

После окончания разведшколы нас перевели на базу Отдельной мотострелковой бригады Особого назначения – ОМСБОН НКВД СССР. Располагалась она в пригороде столицы – Мытищах.

Это было крупное войсковое соединение. В бригаду входили два полка и несколько отдельных подразделений – рота связи, саперно-подрывная рота, авторота, рота парашютно-десантной службы, минометная и противотанковая батареи. Одно это перечисление говорит о мощи бригады и ее тактических возможностях.

Что радовало – снабжение оружием, боеприпасами было значительно лучше, чем в действующей армии. В зафронтовых операциях использовалось и трофейное немецкое оружие – автоматы и пулеметы.

Я быстро перезнакомился с сослуживцами. Ну и парни здесь собрались! Все как на подбор крепыши, жилистые, спортивного вида, в недавнем прошлом пограничники, курсанты Высшей военной школы НКВД, милиционеры и пожарники, выпускники Центрального института физкультуры, лучшие спортсмены ЦДКА и общества «Динамо», в том

числе – чемпионы по боксу и легкой атлетике. Среди бойцов бригады были и иностранцы, из числа добровольцев-коммунистов из Коминтерна. На борьбу с «коричневой чумой» встали немцы-антифашисты, австрийцы, испанцы, поляки, чехи, болгары, румыны...

В самый тяжелый, отчаянный период обороны Москвы подразделения Особой группы были единственными подразделениями НКВД, которые не были эвакуированы из Москвы в Куйбышев в связи с передислокацией аппарата НКВД в октябре 41-го. В битве за Москву бригада в составе 2-й мотострелковой дивизии войск НКВД Особого назначения воевала на передовой. Но и в эти суровые зимние месяцы мобильные отряды ОМСБОН провели множество дерзких рейдов и налетов в тылу немцев.

В боевую группу входили командир, радист, подрывник и его помощник, снайпер и два автоматчика. В зависимости от поставленной задачи такие группы могли объединяться или дробиться.

С октября 41-го командовал бригадой полковник Михаил Орлов, а координировало всю разведывательно-диверсионную работу в тылу германской армии 4-е Управление НКВД-МГБ СССР, которое возглавлял комиссар госбезопасности Павел Судоплатов.

Я провоевал в бригаде около полугода, в основном – выполняя задания в немецком тылу. Нас группами забрасывали в тыл на самолетах, мы организовывали партизан-

ские отряды, собирали и передавали по радиации собранные разведданные, устраивали диверсии, минировав дороги и мосты. Наводили наши бомбардировщики на склады боеприпасов и топлива, на аэродромы и солдатские казармы. Одним словом, вредили оккупантам, как могли. И должен сказать, ущерба врагу нанесли немерено. Правда, и рисковать приходилось много и в непростых условиях – мерзнуть в лесах на партизанских базах, отбиваться от карателей, недоедать, уходить от преследователей через болота.

За полгода войны в новом для себя качестве был повышен в звании сначала до старшины, а потом получил лейтенанта. Даже две медали успел заработать – «За боевые заслуги» и «За отвагу». Среди своих сослуживцев, таких же, как и я, разведчиков – диверсантов и подрывников, – я заработал уважение, а за удачливость меня прозвали «везунчиком».

Я дважды успешно возвращался из немецкого тыла на свою территорию, переходя линию фронта. Да видно в какой-то момент удача от меня отвернулась. При очередном переходе линии фронта в немецкий тыл нашу боевую группу постигла горькая участь. Случайно или нет, я не знаю, но на нейтралке нас накрыло минометным огнем, и одна из мин взорвалась прямо посередине ползущей по-пластунски группы. Двоих – сразу наповал, а третьему оторвало руку. Я же получил осколочное ранение в живот и бедро. Когда стемнело, меня вытащили наши пехотинцы, перенесли в свою траншею.

Из санбата я был эвакуирован в глубокий тыл – в госпиталь в Коврове, что за Владимиром. Провалился там с ранениями почти полгода – раны заживали плохо, и был выписан в конце декабря 1942 года.

Вышел я из госпиталя, вдохнул свежего морозного воздуха, и голова закружилась. Обмундирование на мне было госпитальное – старенькое, не раз стиранное и почти потерявшее изначальный цвет. В кармане лежала справка о ранении и документ на отпуск по ранению – на целый месяц. Деньги были – я получил их по денежному аттестату. Стоял вопрос – куда пойти, поехать? В этом времени близких знакомых и друзей у меня не было, кроме фронтовых. Да и где они сейчас? Может – в госпитале, может – убиты, а повезло избежать гибели или ранения – так живы и на задании. Вот ведь незадача: и отпуск получил, и деньги есть, и документы – в том числе и проездные, при мне, а поехать некуда и не к кому. К своему стыду, даже девушки у меня нет – не успел обзавестись. На фронте не до того было, да и женщин почти не было. В ОМСБОНе с женщинами тоже напряг был, а в город тогда не выпускали. Потом – задания, ранение. Когда в тяжелом состоянии в госпитале лежал, от боли скрипел зубами, – не до медсестричек было. А потом уж как-то не сложилось.

А не поехать ли мне в Ярославль? Адрес Лукерьи, жены моего погибшего деда, у меня есть. Расскажу, как он воевал и где погиб. А спросят меня ежели – кто, скажу – бывший однополчанин. Так и сделал.

Только вот выехать из Коврова на Москву оказалось непросто. Пассажирские поезда ходили редко. В основном – военные эшелоны, да в них не сядешь: во время остановки перед вагонами часовые ходят, близко не подпускают, ни на какие документы даже не смотрят.

Немало промучившись, с трудом влез в переполненный вагон пассажирского поезда. Накурено было в нем – хоть топор вешай. Мне удалось усесться в уголке; ничего, что неудобно, ехать недалеко – до Москвы, а там пересадка на Ярославль.

Прибыли в Москву уже ночью. В город я не пошел – задержают патрули проверками документов, с вечера до утра комендантский час. Решив провести ночь на вокзале, я сходил на продпункт, получил по продовольственному аттестату хлеб, селедку и банку американской консервированной колбасы, прозванной в народе «вторым фронтом». Хоть такой прок от их второго фронта. Не спешили открывать американцы в Европе боевые действия, берегли людей, но поставляли в Советский Союз по ленд-лизу боевую технику, продукты, станки исправно.

Тяжелый для Советского Союза выдался второй год войны – оборонительные бои шли без продыху, Сталинград на волоске висел. Но понемногу поднималась и крепла промышленность за Уралом, начала во все больших количествах поставлять на фронт танки, пушки, самолеты, снаряды и патроны, обмундирование. Хуже всего приходилось с продо-

вольствием. Немцы оккупировали самые урожайные районы – Украину, Молдавию, Поволжье, подобрались к Кавказу. На Сибирь в этом отношении надежды мало – хоть и крепкие люди сибиряки, но в короткое сибирское лето урожая там не вырастишь.

Я переночевал, сидя на жесткой лавочке в холодном здании вокзала. Утром взял посадочный талон в кассе и едва втиснулся в переполненный вагон.

А через несколько часов сошел в Ярославле.

Сердце захолонуло. Это же мой город, здесь мне суждено будет родиться через три десятка лет в той, мирной жизни, здесь жили мои дед и бабушка, мать и отец. Странное дело – дед погиб, бабушка мне ровесница, отец младенец, а матери и вовсе еще нет на свете.

Город узнаваем в своей старой части – кремль и прилегающие к нему улицы почти не изменились.

Я шагал, вертел головой по сторонам и не мог надышаться пьянящим воздухом родного города. И еще беспокоило – как встретит меня бабушка? Узнать не сможет – не видела она меня никогда прежде, но ведь женщины не умом – нутром своим женским, интуицией чувствуют родную душу.

Вот и улица Революционная. Я сразу узнал дом деда. При приближении к знакомой калитке сердце заколотилось, перехватило дыхание. Нехорошо как-то стало, ноги ослабели.

Я присел на заснеженную лавочку.

– Товарищ военный, вам плохо?

Передо мною стояла девочка-подросток.

– Нет-нет, извини, это я так. Не подскажешь – это дом Колесниковых?

– Да, а кого вам нужно?

– Лукерью.

Едва не вырвалось – бабушку.

– Да вы пройдите, дома она.

Я поднялся, на негнущихся ногах подошел к калитке и постучал. Во дворе залаяла собачонка. Стукнула дверь дома, потом распахнулась калитка. Передо мной стояла моя бабушка – еще молодая, точь-в-точь как у Петра на фотографии, только в валенках и наброшенной шали. В горле застрял комок, и я даже слова не смог вымолвить.

– Вы к кому?

Я взял себя в руки:

– К вам. Вы же Лукерья Колесникова?

Она кивнула, внимательно глядя на меня:

– Да вы проходите.

Мы зашли в дом.

– Раздевайтесь, чайку попьем.

Я сдернул шапку, снял шинель, повесил на вешалку. С любопытством огляделся. Бедновато дед жил. Печь посреди не комнаты, кровать, застеленная лоскутным одеялом, стол с тремя стульями, за занавеской в углу – люлька с ребенком.

– Садитесь, я сейчас.

Луша достала из печи чайник. Похоже, чайник все время

в ней стоял – один бок был закопчен. На стол поставила стаканы в подстаканниках, тонко нарезанный черный хлеб в ва-зочке. Я спохватился, достал из вещмешка банку консервированной американской колбасы и поставил на стол. Как я пожалел, что хлеб с селедкой уже съел!

– Извините, не получилось подарка.

Идиот, как я не подумал, что трудно Луше с ребенком. Можно же было отоварить весь продаттестат. Сам бы перебилсЯ как-нибудь, не впервой. В немецком тылу без аттестатов выживал, а уж на своей земле и подавно не умру с голода.

– Ой, это вы извините – война, не достать ничего.

Чувствовалось, что Лукерья ждет чего-то, тянет время, хочет услышать и боится.

– Простите, я не представился. – Я встал. – Сергей Колесников.

– Ой, вы же однофамилец моего Петра! – Луша всплеснула руками, залилась слезами. – Я сейчас. – Она утерла глаза, нос. – После похоронки как увижу военного в форме, так плакать хочется.

– Можно мне на похоронку взглянуть?

Лукерья даже не удивилась просьбе – встала, достала из-за иконы и протянула мне бумагу.

Я развернул. Бумага серая, буквы чернильные, корявые, неровные.

«...Ваш муж... пал смертью храбрых на поле боя с немецко-фашистскими захватчиками...»

– Это все, что от Петра осталось. И еще вот это фото.

Лукерья достала из буфета фотографию. На ней были дед и бабушка – молодые и счастливые. Она сидела, он стоял рядом, в форме, положив ей руку на плечо. Смотрели в объектив напряженно, но чувствовалось – веселы оба, беззаботны.

– Это мы еще до войны снимались. А вы по какому делу? – спохватилась Лукерья.

– Воевал я в одном полку с Петром, даже в одном экипаже – мы же с ним оба танкисты. Сам я тоже из Ярославля, вот – по ранению отпуск дали, решил зайти, рассказать, как геройски Петр погиб, да где могилка его. Я же его хоронил и могилку заметил.

Лукерья слушала, приоткрыв рот.

Я рассказывал, каким простым и хорошим парнем был ее Петр, как воевал бесстрашно, как умело, по изрытому снарядами полю, вел танк в атаку, как погиб. Когда я закончил, по ее щекам катились слезы. Она бережно провела рукой по фото и убрала в буфет.

– Я ведь как похоронку получила, все не верила. Вдруг ошибка? Бывает ведь так. А тут – вы. Значит – погиб Петя...

– Погиб, – сказал я глухим голосом.

Я поднялся, надел шинель и вышел.

– Куда же вы, Сергей? Вы обиделись?

– Я сейчас вернусь.

Я нашел продпункт, отоварил все талоны, набив продуктами «сидор», зашел на рынок – он был ровно на том месте,

где и сейчас. Купив у барыг водки, вернулся к Лукерье. Шагнул за порог и обомлел.

На полу, босоногий и в одной рубашонке, стоял малец лет двух. Сначала он глядел на меня удивленно, потом спрятался за юбку матери и выглядывал оттуда.

– Это все вам. Чем могу.

Я достал из карманов деньги – целую толстенную пачку, денежное довольствие за полгода, что провел в госпитале. Отсчитал себе несколько бумажек, остальное протянул Луше.

– Что вы, не надо!

– Надо! Бери! Тебе мальчика поднимать, о нем подумай.

– И не знаю, как вас благодарить, Сережа. Наверное, хорошим товарищем был Петя, коли сослуживцы так уважают его.

– Хорошим, – подтвердил я. – Помянем.

Лукерья вытащила из буфета рюмки, мы налили, без тостов и чокания выпили.

– Крепкая! – Лукерья закашлялась.

– Как мальчонку зовут?

– Мишенька! – ... Боже, передо мной стоял мой будущий отец!

Мое сердце забилося сильнее от нахлынувших воспоминаний. Вот я сижу на Первомайской демонстрации на крепких плечах отца, вот я без страха прыгаю с его сомкнутых рук в глубину озера, а когда выныриваю – вижу, как весело

смеется отец, и капельки воды на его лице искрятся в солнечных лучах... Как же давно это было! И как же не скоро это еще будет!

– Иди сюда, Мишка! – Я достал из бумажного пакета кусок сахара и протянул его мальчонке. Тот радостно схватил лакомство и – в рот. Чокнуться можно! Даю сахар пацаненку, а он будет моим отцом. Бредни шизофреника!

Я начал собираться.

– Сережа, может, вам переночевать негде? Оставайтесь!

– Не могу, родные ждут, – соврал я.

На улице уже смеркалось. Я простился с Лукерьей, наклонившись, пожал ручонку малышу и выскочил за ворота. Чувствовал – уходить быстрее надо, иначе не выдержу и расплачусь. Это я-то, разведчик, видевший немало смертей за эти месяцы войны, терявший своих товарищей и сам убивавший врагов. Я думал, что заматерел, зачерствел душою, а оказалось – нет.

Ноги сами несли меня к вокзалу. Моего дома еще не было, а бродить в потемках не хотелось.

На путях стоял воинский эшелон. В голове состава пыхтел паровоз. До прихода пассажирского поезда ждать было долго, и я решил попробовать уехать. Прошел к головному вагону. Подошел к часовому, переминавшемуся с ноги на ногу.

– Браток, позови кого-нибудь из начальства.

– Не положено, отойди!

Я уж хотел идти дальше, как из приоткрытой двери гру-

зового вагона выглянул военный в фуражке – явно не по сезону.

– Клеменищев, чего там?

– Вот – начальство видеть хотят. Я ему – отойди, не положено, а он...

Военный спрыгнул с подножки вагона.

– Чего хотел, земляк?

– До Москвы с вами добраться.

– Документы есть?

Я достал из кармана служебное удостоверение и справку о ранении. Военный зажег фонарик, вчитался.

– Так ты что, из госпиталя?

– Верно.

Военный вернул мне документы.

– Не положено, конечно, да ладно – полезай в вагон.

Дважды повторять мне не надо было – я быстро забрался в вагон. Внутри топилась буржуйка, но было едва теплее, чем на улице. На двухэтажных нарах лежали солдаты, кутаясь в шинели.

– Ложись, где свободно.

Место нашлось только у стенки, а она от дыхания многих людей заиндевила.

Я долго крутился, но сон не шел. Чтобы хоть как-то скоротать время, я слез с нар и подсел на корточках к буржуйке.

Наконец состав дернулся, паровоз дал гудок, снова толчок, и мимо нас медленно поплыли станционные постройку.

Я смотрел в полуоткрытую дверь теплушки. Остался позади хмурый дежурный по вокзалу в красной фуражке, очередь людей с банками, толпившихся у крана в нише стены, с табличкой над ним «Кипяток», суета красноармейцев у дверей коменданта в торце здания вокзала...

Прощай, родной Ярославль! Выдастся ли мне еще когда-нибудь в этой жизни свидеться с молодой Лукерьей, крохотным Мишей? Может быть, надо было раскрыться перед Лукерьей, ведь не чужой она мне человек! Но смогла бы она воспринять появление меня – внука, считай ее сверстника, без губительного волнения, от которого и разум может помутиться? А если и поверит, что такое в жизни иногда бывает, так ведь будет удерживать меня от возвращения на фронт, где уже убило ее Петра. Нет, подвергать риску, нарушать душевное равновесие Лукерьи я не имел права.

Я снял шапку, вытер проступившие слезы, оглянулся – не видит ли кто моей слабости?

Пристроился рядом со старшим на пустом патронном ящике и протянул руки к железному боку буржуйки.

– Где ранило-то?

– На нейтралке, миной нас накрыло. Меня вот только осколком задело, а их... – я с горестью махнул рукой.

– А я еще на фронте не был.

На петлицах военного посверкивали в отблесках пламени буржуйки четыре треугольничка. Старшина, значит. И молодой уже – под сорок.

Старшина наклонился ко мне, понизив голос, спросил:

– Страшно там?

– Страшно, – не стал я кривить душой. – Особенно когда бомбят. Убежать из окопа хочется, просто край, а нельзя. В окопе или траншее отсидеться еще можно, а если выскочил – осколками посечет. Потому спасение в одном – зарываться поглубже в землю.

Старшина слушал, думая о своем.

– Похоже, через Москву к Сталинграду нас везут. А ты немцев видел?

– Как тебя.

– И как они?

– Да такие же, как и ты – руки, ноги, голова. И заметь – не из железа они. Из такой же плоти и крови, как и мы. Так же пулей, ножом, штыком убить можно. Страшно тебе, а ты через страх выстрели в него, патроны кончились – штыком убей. Немец – он ведь тоже смерти боится. Ты свою землю защищаешь, а он как вор и грабитель сюда пришел. Вот пусть он и боится. Тем более и погода на нашей стороне. Немцу наши морозы – смерть. Техника не заводится, отказывает. И с обмундированием промашка вышла, думали быстро нас одолеть, потому теплой одеждой не запаслись, мерзнут теперь. Сильный враг, не спорю. Но после сорок первого немец уже не тот пошел, пожиже.

– Так ты с самого начала на фронте?

– Не, с июля.

– С начала и есть. Ну а награды?

Я расстегнул шинель. На гимнастерке блеснули две медали. Старшина взгляделся.

– «За отвагу» и «За боевые заслуги» – здорово!

– И у тебя такие тоже будут, только голову зазря не подставляй, а еще – думай. Приказ ведь по-разному выполнить можно. Поднимешь бездумно людей в лобовую атаку на открытой местности, а немец из пулемета р-р-р-аз – и всех положил. А может – лощина или овраг рядом, скрытно подобраться поближе можно, людей сберечь и задачу выполнить. А отступать негоже – Россия – она хоть и велика, но не безбрежна.

Так я и проговорил с ним до почти утра.

Поезд прибыл на станцию Москва-Сортировочная поздно ночью и встал. Поблагодарил я старшину за содействие, попрощался и – пешком, по пустынным ночным улицам, направился в наш батальон. По дороге только патрули встречались.

Больше мне идти было просто некуда. А это – целый военный городок. Батальон, даже пехотный, обычно не более пятисот штыков. Наш же, отдельный, в иные периоды и до двух тысяч доходил, превосходя по численности полк.

Добрался, прошел через КПП, доложил о прибытии дежурному офицеру и сразу отправился в казарму, спать. Нашел свободное место и успел поспать до пробудки пару часов. Утром в штаб заявился, а навстречу – «товарищ Сидоров».

Давно я его не видел – с того самого первого дня, когда меня с ним, раненым, сюда доставили на «эмке» из Можайского управления НКВД.

– Колесников! Рад тебя видеть живым и здоровым! Ты как здесь?

– Из госпиталя вернулся.

– Ну-ка, пошли ко мне, поговорим.

Мы зашли в кабинет. Надо полагать, звание и должность «Сидоров» имел немалые, раз в штабе у него кабинет отдельный был.

– Документы давай.

Он прочитал мою справку и удивился:

– Так тебе после ранения отпуск положен, чего в распоряжение явился?

– Некуда больше податься, товарищ ...э...

– Подполковник.

– Да уж догадался, что не «Сидоров».

– Ситуация такая была.

– Вот что, Колесников. Поставить в строй я тебя не могу, тебе еще сил набраться надо. Давай-ка ты пока преподавателем поработаешь – курсантам боевой опыт передавать надо. На практические занятия в поле выходить не будешь. Идет?

– Так точно, товарищ подполковник, согласен.

На занятиях с курсантами я объяснял, как лучше маскироваться на местности, как переходить передовую, брать «языка». В учебниках ведь не все пишут, «наставления» по

службе и инструкции не передают мелочей и нюансов, а они для диверсанта и разведчика очень важны.

В середине января 1943 года вышел Приказ наркома обороны И. В. Сталина о введении погон. Петлицы со знаками различия отменялись.

После революции 1917 года погон на военной форме не было – большевики отрицали их, как символы старой власти, царской России. Страшные реалии Отечественной войны потребовали поднять у солдат и командиров дух патриотизма, упрочить их любовь к Родине на примерах исторической славы героев России, русского оружия. Возврат погон на советскую военную форму, а также учреждение ордена Отечественной войны, орденов Суворова, Кутузова и Александра Невского позволяли перекинуть исторический мост от Российской Армии к Красной Армии. И на этом руководство страны не остановится. Как я знал по истории, в 1943–44-е годы учредят орден Славы, ордена Богдана Хмельницкого, Ушакова.

Вскоре к нам поступили новенькие погоны. Мои сослуживцы кинулись с энтузиазмом доводить форму до кондиции. Необычно было видеть своих сослуживцев в старой форме и с пришитыми погонами. Я сам с удовольствием пришил погоны на гимнастерку – с одним просветом и двумя звездочками. Кажется, в русской армии такие погоны были у подпоручика. Второй раз в жизни я стал лейтенантом.

Мне вспомнился выпускной вечер еще в той жизни, после

окончания танкового училища. Вот так же мы меняли курсантские погоны на первые офицерские, потом обмывали по старой армейской традиции звездочки – бросали их в рюмку с водкой, водку пили до дна, а звездочки ловили ртом. Преподаватели косились, но делали вид, что не замечают вольности. Сами были такими же, так же звездочки обмывали. Но скажу откровенно – такой радости, даже восторга, как в первый раз, больше уже не было. Старшего лейтенанта потом получил, обмывал третью звезду с друзьями, но того щемящего, первого чувства уже не испытывал.

Месяц отпуска пролетел быстро в занятиях с курсантами. Я чувствовал себя уже лучше, бедро побаливало, ныло на перемену погоды, а к тупой и постоянной боли в животе я уже как-то привык или, скорее, свыкся с ней.

При выписке в госпитале, когда военврач оформлял документы, мне предлагали комиссоваться, только я настоял на продолжении службы. Чего мне на гражданке делать, когда идет война? По моим понятиям, мужик должен быть там, где трудно, где решается судьба страны. Пусть мой вклад невелик, но из таких вот маленьких побед над врагом и куется общая победа. К тому же родни у меня нет, дома нет – куда податься, если из армии комиссуют? Армия и есть мой дом, моя семья.

В начале февраля меня вызвали к подполковнику, моему старому знакомому – «Сидорову». Как я потом узнал, фамилия его была, конечно, не «Сидоров» – это был оперативный

псевдоним. Настоящая фамилия подполковника была Сучков. При заброске во вражеский тыл разведчик не идет под своей настоящей фамилией. Я тоже менял фамилию на псевдоним при заброске, и даже не один раз.

Я вошел, встал по стойке «смирно» и представился:

– лейтенант Колесников по вашему приказанию прибыл.

– Садись, лейтенант. Мы не в армии, не надо так тянуться и сверлить меня глазами. Солдафонства, тем более показного, не люблю. Работа разведчика, впрочем, как и контрразведчика, – она не муштры требует, а глубокого мыслительного процесса. Если разведчику стрелять приходится – это плохо, стало быть, не додумал где-то.

Я молчал. Меня вызвали не для комментариев. Начальство – оно поговорить любит, и чтобы аудитория была.

– Давно я знаком с тобой, Колесников. После твоего возвращения из госпиталя не раз присматривался к тебе – не скрою.

Подполковник походил по кабинету.

– Вот что, лейтенант. То, что я тебе сейчас скажу, должно остаться сугубо между нами. Хотя и знаю – ты и не из говорливых. Скоро будет образовываться новая структура – отпочковываться от НКВД. О ее составе, численности и задачах пока рано тебе говорить. Я начинаю подбирать себе людей. Сам понимаешь – дело наше деликатное, секретное и не для белых перчаток. Я должен быть твердо уверен и полностью полагаться на тех, с кем буду служить и делать общее

дело. Не исключено, что на первых порах трудно будет, поскольку дело новое, опыта недостаточно. Мне можно на тебя рассчитывать, или останешься в Особой группе?

Я не раздумывая, кивнул:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.